

— Поговорим, если хочешь, — прозвучал голос, полный смеха, прямо у самого уха.

Горячее дыхание коснулось кожи, и Е Цзинли, только что пребывавший в глубоких раздумьях, мгновенно пришел в себя и резко обернулся.

Кончики носов едва не соприкоснулись, дыхание смешалось. Е Цзинли в изумлении отпрянул, увеличивая дистанцию, и только тогда смог разглядеть смеющиеся глаза Ли Цзинчэня.

— Вижу, ты с большим трудом сдерживаешься.

Куда делась ледяная властность, с которой Ли Цзинчэнь держался в палате? Он кончиком пальца слегка коснулся щеки Е Цзинли, а в его глазах плясали насмешка и темное пламя:

— Хочешь смеяться — смейся. Я знаю, что ты мной гордишься, не нужно этого скрывать.

Если бы Ли Хаотянь узнал, какой ты самовлюбленный и несерьезный, он бы наверняка разрыдался! — Е Цзинли бросил взгляд на затылок водителя и мысленно хмыкнул.

В этот момент зазвонил телефон.

Ли Цзинчэнь, уже было поднявший руку, замер. Его глубокий взгляд на мгновение задержался на покрасневших кончиках ушей Е Цзинли, прежде чем он ответил на звонок и выпрямился.

— Хорошо, мы будем вовремя, — Ли Цзинчэнь взглянул на Е Цзинли, заметив его любопытство, и одними губами беззвучно пояснил.

Звонил Ли Цзинбэй? — Е Цзинли моргнул.

— Старейшина Ли зовет нас на ужин.

Ли Цзинчэнь отложил телефон и совершенно естественно переплел свои пальцы с пальцами Е Цзинли.

— И то верно, конец месяца, — Е Цзинли опустил взгляд на свои ладони в руках Ли Цзинчэня и понимающе кивнул.

В клане Ли была традиция собираться в конце каждого месяца, и если не случалось ничего экстраординарного, присутствовали все.

— Верно. После ужина поедem ко мне, отдохнешь, — Ли Цзинчэнь нежно поглаживал подушечку безымянного пальца Е Цзинли, говоря это с самым естественным видом: — У меня

там удобнее.

Е Цзинли слегка дернул бровью, а рука, которую держали, непроизвольно дрогнула.

У него удобнее... Удобнее для чего?

Едва уловив скрытый подтекст, Е Цзинли почувствовал, как внутри что-то екнуло. Словно сорвавшись с цепи, в сознании одна за другой вспыхнули сцены самого откровенного характера. Напряженные линии мышц, соблазнительные стоны, капли пота, стекающие по телу, и затуманенный взгляд, тонущий в страсти...

В машине воцарилась тишина. Они сидели так близко, что, казалось, слышали стук сердец друг друга.

Тук-тук. Тук-тук.

Хаотичные, дурманящие образы сливались с сексуальным и красивым лицом сидящего рядом мужчины. Е Цзинли не мог сдержать румянец, заливавший уши, но взгляд его, встретившись с глазами Ли Цзинчэня, не дрогнул.

Их взоры скрестились в стремительно нагревающемся воздухе, рождая безмолвные искры.

— Это было настоящее пламя! — Старейшина Ли с чувством покачал головой. — Мне тогда было всего четырнадцать. Сказать, что я не боялся — солгать. Но задание нужно было выполнить, жизни товарищей были на моих плечах, вот я, стиснув зубы, и рванулся вперед...

— Опять вспоминаете былые подвиги? — Ли Цзинбэй с улыбкой подошел, держа в руках чашку чая, и кивнул единственному слушателю деда — Е Цзинли.

Е Цзинли улыбнулся в ответ:

— Второй брат.

Старейшина Ли, как раз дошедший до самого захватывающего момента, был недоволен тем, что его прервали. Он сердито посмотрел на второго сына:

— Только что разбежались, как зайцы, а теперь соизволили показаться?

— Мы пришли пригласить вас к столу! — Ли Цзинбэй вздохнул. — К тому же, папа, я эти ваши героические истории с детства слышу, уже наизусть выучил.

— Идем-идем, пора обедать! — Старейшина Ли поднялся, делая вид, что не слышит подколки сына, и с отеческой теплотой обратился к Е Цзинли: — А-Юй, пойдем, поешь с отцом, не обращай внимания на этого болтуна.

С тех пор как семьи встретились, старейшина Ли окончательно принял Е Цзинли как своего. Он был в восторге от парня своего младшего сына и при каждом удобном случае звал их на ужин.

Членов клана Ли было немало, в доме стоял шум. Трое или четверо детишек, которых няня вела мыть руки, столкнувшись со старейшиной и Е Цзинли, выстроились в ряд и чинно поздоровались:

— Прадедущка, младший дедушка!

Ли Цзинчэнь был самым младшим ребенком старейшины, поэтому в клане Ли занимал высокое положение, а вместе с ним и Е Цзинли.

Е Цзинли не в первый раз слышал такое обращение, но каждый раз впадал в легкий ступор. Неужели он теперь дедушка?

Только когда все расселись за столом и малышей привели обратно, Е Цзинли пришел в себя.

— Что такое? — Ли Цзинчэнь заботливо сжал его руку. Его самого старший брат вызывал в кабинет, поэтому он пропустил эту сцену.

— Ничего, — Е Цзинли, убедившись, что никто не смотрит, понизил голос: — Просто удивляюсь, как быстро растет мой статус в иерархии.

Ли Цзинчэнь вспомнил, как Е Цзинли впервые опешил, когда его называли дедушкой, и не сдержал улыбки:

— Когда они вырастут и у них появятся свои дети, ты...

Старейшина Ли, отпив супа, посмотрел на сидящую рядом пару, которая перешептывалась и улыбалась друг другу. Натянута струна в его сердце, вечно напряженная из-за младшего сына, наконец, немного ослабла.

Этот холодный и отстраненный сын наконец-то начал проявлять живые чувства, больше не нужно бояться, что он останется в одиночестве. Су Юй — хороший парень, нужно его крепко держать.

Подумав об этом, старейшина Ли тихо кашлянул и, глядя на Ли Цзинчэня, намеренно понизил

голос:

— То, о чем мы говорили в прошлый раз, ты обдумал?

В тот вечер, когда они встречались с родителями Е Цзинли, он уже поднимал тему регистрации брака.

Ли Цзинчэнь, державший палочки, замер и поднял взгляд на отца.

— Подашь мне супа? — Ли Цзинчэнь отвел взгляд и повернулся к Е Цзинли.

Старейшина Ли уже хотел было отчитать сына за то, что тот командует гостем, но его взгляд упал на руку Е Цзинли, державшую половник. А точнее — на кольцо на безымянном пальце правой руки.

— Спасибо, любимый, — уголки губ Ли Цзинчэня победно приподнялись. Получив тарелку, он с довольным видом сделал глоток, а затем взял тарелку Е Цзинли и сам наполнил ее. — Этот суп хорош. Ты в последнее время похудел, нужно подкрепиться.

Старейшина Ли, ставший свидетелем такой демонстрации чувств, был только рад, но не успел он открыть рот, чтобы дать наставление есть побольше, как боковым зрением заметил вошедшего в столовую человека.

Хорошее настроение мгновенно улетучилось. Глядя на Ли Хаотяня с помрачневшим лицом, старейшина нахмурился:

— Почему так поздно?

Ли Хаотянь сел за стол и долго молчал. О беременности Ань Цзинь пока никто не знал, лучше дожидаться результатов теста на отцовство.

Подумав, он ответил:

— В компании много работы.

Сказав это, он украдкой взглянул на Е Цзинли и Ли Цзинчэня, сидевших неподалеку.

Вместо того чтобы увидеть их переглядывания, он заметил, как они, не обращая на него никакого внимания, спокойно ели креветки.

Ощущение, что его игнорируют, вызвало приступ унижения. Он живо вспомнил, как сегодня в

палате его втоптали в грязь на глазах у заклятого врага и женщины. Стыд, который он тогда испытал, теперь сменился гневом, заполнившим грудь. Если бы не обстановка, он бы непременно сорвался на них.

Ли Хаотянь мрачно посмотрел на пару, его пальцы, сжимавшие палочки, побелели от напряжения.

Его ответ прозвучал как отговорка. Старейшина Ли, почувствовав раздражение, перестал на него смотреть и повернулся к Е Цзинли, который с аппетитом ел креветку.

Ли Хаотянь с самого входа сидел с каменным лицом, пугая младших и вызывая недовольство старших, поэтому вокруг него царила тишина. Настолько глубокая, что он отчетливо слышал каждое слово похвалы старейшины в адрес Е Цзинли.

Ужин становился все более невыносимым. Наконец, не выдержав, Ли Хаотянь положил палочки и вздохнул, с показным сожалением произнеся:

— Су Юй во всем хорош, вот только жаль, что детей иметь не может. Как вы будете жить в старости...

Похвалу старейшины прервали на полуслове, а услышав столь бестактные и злобные слова, он нахмурился еще сильнее.

Е Цзинли улыбнулся, не спеша проглотил креветку и ответил:

— В нашем клане Ли так много детей, все они почтительны. Разве стоит бояться, что в старости некому будет о нас позаботиться?

Старейшине эти слова пришлись по душе, он кивнул:

— Верно, все наши дети — достойные люди...

Ли Хаотянь, под углом, незаметном для остальных, ясно увидел вызывающий блеск в глазах Е Цзинли. Сдерживаемый гнев вспыхнул с новой силой, в голове зашумело, и он с громким, холодным смешком бросил:

— наших? И правда, возомнил себя своим!

Слова повисли в мертвой тишине. До этого все были заняты едой и беседами, но эту фразу, произнесенную на повышенных тонах, услышали все.

— Мерзавец! Что ты несешь! — Ли Цзинбэй пришел в ярость, ему хотелось собственноручно придушить брата.

— Второй, хватит, — старейшина Ли, пережив приступ шока и разочарования, почувствовал лишь бессилие и махнул рукой, приказывая Ли Цзинбэю сесть.

Ли Хаотянь был наследником, на которого он возлагал огромные надежды. Раньше, несмотря на разочарование, он верил, что тот одумается, но теперь... Разочарование достигло той точки, когда даже упреки казались бессмысленными.

Старейшина Ли помрачнел:

— У тебя много работы, иди.

Эти слова прозвучали как ушат ледяной воды. Голова Ли Хаотяня, пылавшая от гнева, начала остывать. Все за столом смотрели на него. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но, встретившись с таким количеством осуждающих взглядов, молча встал и вышел, не оглядываясь.

Выезжая за ворота особняка, Ли Хаотянь вдруг ощутил невыразимую панику и не удержался, чтобы не оглянуться. словно одержимый, он наговорил глупостей на глазах у всех... Что теперь будет?

Он глубоко вздохнул, не желая чувствовать себя слабым ребенком, но глубоко внутри засел страх, от которого сердце билось в горле. Лишь отъехав далеко, он смог немного успокоиться.

Придя в себя, он обнаружил, что едет к вилле, которую подарил Бай Циньтин. Вспомнив ее мягкий голос и нежность, он, не задумываясь, прибавил скорости.

— На что смотришь?

Когда Ли Цзинчэнь вошел в комнату со стаканом молока, он увидел Е Цзинли, стоявшего у окна.

Услышав голос, Е Цзинли обернулся, улыбнулся и, опираясь на подоконник, посмотрел, как Ли Цзинчэнь ставит молоко:

— На луну. И заодно думаю, сколько еще ты сможешь терпеть.

Безусловно, для двух людей, которые ни во что не ставили Ли Хаотяня, произошедшее не испортило вечер. По-настоящему волновало их совсем другое — серебристый блеск на пальцах.

— Терпеть... до каких пор?

Вопрос, прозвучавший с вопросительной интонацией, потонул в жарком поцелуе. Е Цзинли, не теряя времени, первым пустил в ход язык, прокладывая путь к ответной атаке.

Словно пороховая бочка, ждавшая своего часа, они взорвались в одно мгновение. Рассудок исчезал, оставались лишь инстинкты — жажда близости и слияния.

— М-м... — Е Цзинли не сдержал стога, когда от боли в затылке мышцы непроизвольно напряглись.

Ли Цзинчэнь, довольный тем, что оставил свой след, нежно целовал его, успокаивая, и изучал ладонями каждый дюйм тела. Одного взгляда было мало. Слишком мало. После месяцев сдерживаемого желания он хотел ощутить всё кожей.

Гладкая, напряженная кожа, идеальные лопатки, гибкая спина, узкая талия...

Пот, дыхание, боль, полнота...

Е Цзинли повернул голову, и в его затуманенном взоре отразились две крепко сцепленные руки.

Закрыв глаза, он слышал, как капли пота падают на его плечи, разбиваясь на свету, словно осколки драгоценных камней.

Бай Циньтин замерла, услышав звук открывающейся двери. Лишь спустя несколько секунд, осознав, что это шаги, она в панике отбросила телефон и вскочила.

В это время сюда мог прийти только Ли Хаотянь, но он всегда звонил заранее. Подобный внезапный визит случился впервые.

Разбираться было некогда. Она в растерянности замешкалась, но, услышав, что шаги уже на лестнице, бросилась к туалетному столику. К счастью, она еще не успела смыть макияж. Быстро поправив косметику и уложив растрепанные волосы, она услышала, что шаги достигли двери.

Притворившись удивленной, она слегка повернулась, приняв позу, которую репетировала сотни раз, чтобы выгодно подчеркнуть свои формы.

— Хаотянь!

Как любая женщина, встречающая любимого, она изобразила в глазах восторг, смешанный с легкой застенчивостью.

Видя такую покорность и радость, Ли Хаотянь почувствовал, как его сердце оттаяло, а настроение, испорченное за день, улучшилось. По сравнению с Ань Цзинь, эта послушная женщина казалась ему вполне приятной, и он был рад тратить на виллу для нее.

Бай Циньтин, глядя, как он приближается, мельком заметила вспышку на его телефоне. Она инстинктивно взглянула туда и, осознав, что пришло новое сообщение, почувствовала, как тело сковало холодом.

Ли Хаотянь, увидев, что она застыла, поинтересовался с улыбкой:

— Что, так рада меня видеть?

Бай Циньтин была охвачена страхом, но заставила себя опустить голову:

— Я... я пойду принесу тебе суп!

Ли Хаотянь сел на диван, наблюдая, как она выбежала из комнаты, а вскоре вернулась с тарелкой супа, который, судя по всему, долго томился на огне.

Горячий суп успокоил его, он откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Бай Циньтин осторожно массировала ему плечи, глядя, как разглаживается морщина между его бровей.

Ее сердце екнуло. Она бросила взгляд на телефон, лежащий на кровати, и тихо кашлянула.

Ли Хаотянь приоткрыл глаза, выглядя совершенно расслабленным:

— М?

— Хаотянь, ты выглядишь довольным. Ездил в родовое поместье? — она старалась держать голос ровным, осторожно прощупывая почву.

Ли Хаотянь резко сел, повернувшись к ней, и в его ледяных глазах вспыхнул гнев:

— Это не твое дело!

Бай Циньтин отступила на шаг, встретившись с его нескрываемым презрением. Ее сердце ушло в пятки. Взгляд его глаз был подобен удару кнута, вырвавшему ее из грез об успешном занятии места Ань Цзинь.

Только когда Ли Хаотянь ушел в ванную, она пришла в себя в тишине комнаты. Кончики пальцев дрожали. Преодолевая ужас, она поплелась к кровати.

Это не твое дело!

Фраза эхом отдавалась в голове. Она судорожно вздохнула, сжимая телефон. Глаза метались в мучительной борьбе.

Телефон снова вибрировал. словно очнувшись, она дрожащими пальцами открыла сообщение:

— Не бойся. Моя репутация, Юнь Мотяня, чего-то стоит. В итоге тебя это не коснется. Если согласишься, деньги и билет будут готовы. Этого хватит, чтобы безбедно прожить за границей.

Бай Циньтин долго смотрела на экран, пока он не погас. Борьба в ее глазах исчезла. Она коротко напечатала:

— Сначала деньги.

Ответ пришел мгновенно:

— Хорошо.

Хладнокровно выключив телефон, она посмотрела на дверь ванной. Она считала себя ничем не хуже Ань Цзинь. Почему она должна вечно оставаться в тени, как любовница?!

Юнь Мотянь стоял у палаты с каменным лицом, убирая телефон. Ань Цзинь была внутри. Но у него не было ни малейшего желания входить.

Чей это ребенок, они оба прекрасно знали. Хотя сегодня при Ли Хаотяне он заявил, что это его ребенок — все знали, что это ложь.

Ребенок принадлежал Ли Хаотяню. И сердце Ань Цзинь принадлежало Ли Хаотяню. Как же это смешно. Его женщина грезит о его заклятом враге и носит его ребенка.

Впервые в жизни он почувствовал не просто желание победить, а желание уничтожить. Юнь Мотянь оставался бесстрастным, но его глаза, налившиеся кровью, выдавали безумие.

Е Цзинли слегка поменял позу.

Не успел он перевести дух, как человек на трибуне внезапно устремил на него взгляд.

Е Цзинли покраснел, встретившись с заботливым взглядом, и едва заметно покачал головой. Это была длинная лекция, сидеть пришлось долго. Несмотря на то, что вчерашняя ночь была прекрасной, они оба были в гармонии, но... ведь это был первый раз, а кое-кто обладал выдающимися данными, и после двадцати с лишним лет воздержания...

Мысли, словно дикие кони, сорвались с поводьев. Перед глазами снова всплыли картины, от которых бросало в жар.

Хаотичные образы, сбитое дыхание, капли пота, летящие со спины, сдавленные стоны...

В памяти всплыл взгляд мужчины — одновременно сдерживаемый и утопающий в страсти. Без очков, скрывавших его истинные чувства, в этих глазах горело самое жгучее пламя, которое сжигало остатки разума, заставляя закрыть глаза и отдаться безумию, которое он дарил.

Знакомый аромат вернул его к реальности. Е Цзинли резко открыл глаза.

<http://bllate.org/book/21656/2234776>